

Пора возвращаться / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Пора возвращаться / рассказ ПОРА ВОЗВРАЩАТЬСЯ

Белое слепящее пятно, как будто кто-то направил в лицо прожектор.

Нет, конечно, если закрыть глаза, можно припомнить ленивую реку под окнами, обесцвеченные солнцем улицы, хриплый лай соседской собаки и запах персиков. Правда, для этого Кире приходится пробираться куда-то на задворки, в самые тёмные и глухие уголки памяти. Всплывает другое: чернильная ночь и стук у ворот, мама с папой, замершие в углах комнаты, как заговорщики. Забегает солдатик – рыжий и бесцветный одновременно – и протягивает билеты. Заикаясь от волнения, пытается рапортовать шёпотом, чтобы не разбудить Киру, но папа машет рукой, мол, что уж.

– Когда выезжать?

– Прямо сейчас, то-товарищ майор, должны успеть.

– До Москвы?

– Куда там, до Кишинёва.

– До Кишинёва? – мама, как тень, отделяется от стены. – Это же гибель. Там, говорят, в русских стреляют сразу, не спрашивая. Мы не можем так рисковать... У нас ребёнок.

– То-тогда есть опасность вообще не уехать. Аэродром вот-вот закроют.

– Но вы-то как-то улетите? Остатки гарнизона? Может, на военном?

– Не положено, – вступает папа. – Собирайся, Валя. Некогда разглагольствовать.

Кадр сменяется. Они едут на военной машине. За рулём всё тот же солдатик. Мама прижимает Киру к себе так сильно, что ей трудно дышать. Отец пытается насвистывать какую-то мелодию, но быстро замолкает.

Люди на дороге. Остановка. В свете фар мешаются пыль, выхлоп и ночной туман. Лиц не видно, но в руках пляшут автоматы.

– Я... из вэ-че... майора с семьёй везу... – солдатик беспокойно вертит большой головой, взглядывая то на отца, то на вышедших из темноты.

– Выходи, женщина, – автомат указывает на маму. – Раздévайся.

Папа пытается подняться, но мама кладёт руку ему на плечо и выпрыгивает на дорогу. Она стоит в безжалостном свете фар. Солдатик отворачивается, его щёки подозрительно блестят. Мама медленно разматывает шейный платок, снимает плащик и жакет, аккуратно складывает их в пыль на обочине и начинает расстёгивать юбку. Из горла отца вырывается странный звук, как будто чайник начинает закипать на плите. У солдатака по-детски дрожат плечи.

– Хватит, – вдруг говорит автоматчик. – Садыс, – и он прибавляет ещё какое-то слово, от которого его товарищи раздражаются смехом, а мама вздрагивает.

Затемнение. Потом на несколько секунд возникает аэродром. Плачущие женщины и дети. Рыжий солдатик приносит маме воды, и она забывает поблагодарить. Они бредут по лётному полю. Солдатик на прощание что-то говорит бодрым голосом, но папа молча сгребает его в объятия.

Затемнение. Кишинёв выпал из памяти. После него были ещё какие-то города и аэропорты. Кажется, Донецк и Свердловск. Где-то по дороге потерялся плюшевый медведь Тимка. Наверное, слёз было... Но Кира не помнит. Яркий свет – прожектор или фары военной машины на дороге – гаснет.

... Зажигается торшер над диваном. Бабушка проходит в дальнюю комнату, неся перед собой стопку наглаженного белья. Дедушка уже там – кряхтит, пытаясь перевернуть матрас непромятой стороной вверх. Мучается в одиночку, не позволяет помочь. Папа стелет себе на полу. Оттого, что он будет спать между входной дверью и диваном, Кире делается спокойнее, хотя она, конечно, понимает: автоматчикам с дороги сюда ни за что не добраться. Это дом бабушки и дедушки. Неприступная крепость.

Удивительно, но к новому городу Кира привыкает быстро, как будто и не было жаркого ветра и слепящего южного солнца. Здесь всегда слякоть или сугробы.

Спустя два года папа, наконец, выхлопотал квартиру. Дом для военнослужащих на отшибе, у самого леса, среди деревянных развалюх частного сектора. Будто он, как метеорит, упал с неба, разметав их ударной волной, и даже воронка образовалась – круг из грязи и снега. Самосвалы и краны уползли, оставив безжизненное месиво, в котором едва не погибла синенькая Кирина калоша.

Папе приходится нести Киру на руках. Мама шлёпает сзади, с трудом выдирая из грязи осенние ботики. Новая квартира большая, пустая и гулкая. Кира бродит из комнаты в комнату, пока папа бегаёт узнавать, куда делась ванна. Чуть позже выясняется, что вместе с ванной исчезла и электрическая плита. Мама плачет, папа шёпотом её уговаривает. Вечером у бабушки с дедушкой обмывают новую квартиру. Что можно мыть здесь, если сама квартира на другом конце города, Кире непонятно, но она вместе со всеми поднимает стаканчик с вишнёвым компотом.

... Тускло светит лампочка под потолком из гофрированного железа. Плафон закован в сетку, и вафельная тень от него расползается по рядам болоньевых курток и спортивных штанов с полосками. В углу – стопка чистых картонок. На них можно встать ногами, если решишься примерить что-нибудь на морозе. Под ржавым прилавком – тюки с товаром. Если зарыться в них поглубже, можно представить, что ты – Лара Крофт из игры, которую подарили соседке на день рождения. Среди тюков ощутимо теплее, чем на улице, но мама всё равно боится, что она простынет, и редко берёт Киру с собой.

Кире нравится, что мама работает продавцом – это ведь так интересно и, кажется, не так уж сложно. Главное, одеться потеплее и взять с собой термос с чаем. Когда покупателей нет, можно устроиться в углу на табуретке и, например, разгадывать кроссворд. Мама, правда, кроссворды не любит, поэтому Кира, когда становится скучно, заглядывает в соседние палатки.

Иногда её угощают конфетами.

Маме почему-то не нравится работать на рынке. После возвращения домой она подолгу сидит в горячей ванне и выходит с красными глазами, будто её кто-то обидел. Наверное, скучает по папе. Его они видят редко: зимой он где-то валит и пилит лес, а по весне уезжает в соседнюю область рубить дома. Почему это называется «рубить», если на самом деле папа строит, Кира не знает. Да и вообще, слишком многое во взрослой жизни не соответствует своему названию.

... Весеннее солнце. С железных крыш и тряпочных тентов течёт. Весело смотреть, как капли расплываются лужицами на асфальте, но, когда вода попадает за шиворот, становится холодно и противно.

Мамина лавка стоит последней в ряду, и сбоку от неё на асфальте небольшое озерцо, в котором Кира устроила запруду. Он подходит неслышно. Сначала Кира видит блестящие ботинки, потом джинсы, а выше оказывается красивая кожаная куртка с меховым воротником.

— Кто это тут такая красавица? — спрашивает незнакомец, и Кира краснеет: мама считает непедагогичным говорить о внешности.

— Здравствуйте, — она поднимает голову, но солнце бьёт в глаза, мешая разглядеть лицо собеседника.

— Хочешь прокатиться на машинке?

Такие вещи под запретом — об этом Кире даже напоминать не следует, но рынок кажется безопасным местом. Разве здесь, в уютном мирке обувных коробок и пёстрых халатов, трепещущих на ветру, с ней может что-то случиться?

— Мама мне не разрешает, — отвечает Кира и на всякий случай, чтобы не обидеть хорошего человека, тяжело вздыхает.

— А мы быстро, — не сдаётся незнакомец. — Моя машина быстро ездит, — и он протягивает Кире руку.

...Солнечный свет превращается в холодный свет фар. В нём двигаются тени — головы и руки мужчин...

— Отойди от ребёнка.

Кира не узнаёт мамин голос. Фары гаснут — вспыхивает солнце.

Возвращается капель, запах нагретого полиэтилена и мокрого асфальта. Мама стоит возле угла палатки, сжимая в руках нож – даже не нож, а просто кусок металла, обмотанный изолентой – которым вскрывает тюки с товаром.

– Я сказала, отойди немедленно.

– Ты зачем кричишь?

Мужчина отступает от Кире и съеживается. Даже куртка уже не кажется такой яркой и красивой.

– Пошёл вон, извращенец. Катись отсюда, – и мама взрезает ножом воздух.

Мужчина уходит, не оглядываясь, и тогда из палаток разом высыплют разномастные тётки. Неужели, думает Кира, они всё слышали, но, спрятавшись в свои тряпки, сидели тихо?

– Ты молодец, но зря, – выступает тётка Лиза, которая торгует бельём. – Не знаешь, что ли, это брат Батоича?

– Плевать я хотела, – мама безглаголиво отбрасывает нож, – пойдём, Кирюша.

Это последний день маминой работы на рынке.

... Фари подсвечивают снежную труху, которая сыплется с неба. Киношная резаная бумага, а не снег. Таксист за всё время не произнёс ни слова, и Кире это не нравится. Обычно её раздражает болтовня, но в этот раз не по себе сделалось именно от молчания.

Пусть бы президента и цены на нефть обсуждал, на здоровье. Ещё брат Батоича вспомнился, не к ночи будет помянут. Его, правда, подкараулили на трассе лет десять назад. Интересно, братки или папа какой-нибудь девчонки, которую он покатал на своей быстрой машине?

– Частного сектора совсем не осталось? – спрашивает Кира, чтобы нарушить молчание.

– Угу, – таксист угрюмо кивает.

– Я давно тут не бывала.

Молчание. Кира дёргает плечами в норковой шубке и прячет дорогой телефон поглубже в карман. Надо было папе позвонить,

пусть бы встретил на своём ведре. Но таксист вдруг нарушает молчание, и она вздрагивает от неожиданности:

– За вашим кварталом целую улицу выстроили. Пронумеровали дома по-идиотски. Шиш разберёшь, где какая сторона, поле ещё посередине, чтоб его... Кто только прокладывает улицы эти! Посадить бы его за руль, да заставить в ночи круги наматывать...

Кира облегчённо выдыхает: вышел на режим, вроде бы нормальный.

– А рейсы? Вот вы откуда, из Питера прилетели? Ага. В четыре часа ночи. Кто такие рейсы придумывает, а? А я скажу – они. Чиновники. Которые жирные зады в креслах мозолят... – больше он не замолкает до самого дома.

...Лампочка в плафоне, похожем на стеклянную банку, горит над подъездом. Кира выходит из машины, и тотчас распахивается дверь – на пороге папа.

– С ума сошёл! Ты бы ещё на улице мёрз, – охает она, прежде чем нырнуть в табачные объятия.

– Встречать-то ты не разрешила.

В комнате работает телевизор, и мама спит, сидя в кресле перед ним. Газетка с программой передач соскальзывает с её колен на ковёр. Пахнет печевом и туалетным мылом.

... На край подушки падает свет уличного фонаря. Кира ворочается. Сначала приходится утолкать одеяло к спинке кровати, потом – избавиться от пухлой подушки. Не помогает. Прошлёпав по холодному паркету, распахивает форточку. В комнату втягивается свежесть и далёкий собачий лай.

– Что не спишь?

В детстве Киру всегда удивляло, как мама умеет неслышно ступать по половицам.

– Душно.

– Второй год уговариваю папу поставить регуляторы на батареи. Жадничает. Копит неизвестно на что. Я ему говорю, что пора уже тратить начинать. У гробов карманов нет.

– Мам... ну не начинай. Какие гробы? Тебе пятьдесят шесть.

– Ладно... Что днём будем делать?

– Можно в город съездить. Вечером с одноклассниками

встречаемся.

– Ложись тогда, отдыхай. Смотри, чтобы не продуло тебя.

Когда мама уходит, Кира достаёт сигареты и долго курит в форточку.

... Карамельный свет изливается на снег – в витрине ресторанчика висят лампы Эдисона. На крыльце курят двое. Кира, проходя мимо них, слегка улыбается. Это ни к чему не обязывает, но, окажись они её одноклассниками, можно будет притвориться, что она их узнала. Ресторанчик безуспешно пытается казаться дороже, чем на самом деле. На первом этаже есть гардероб, но, передавая шубу опухшей женщине за барьером, Кира чувствует запах перегара. Протягивая номерок, гардеробщица на секунду удерживает его в дрожащей ладони. Секунды хватает, чтобы Кира её узнала. Это мать Вовика Калинкина...

...Вообще никакого света. Где-то впереди фонарь на просмоленном деревянном столбе, как в деревне, но до него ещё идти и идти. Папа возвращается из новой квартиры, где весь вечер что-то сверлил, красил и клеил. Тропинка, выложенная из обломков бракованных плит, в оттепель раскисла, а потом покрылась ледяной коркой. Эта корка и металлические подковки на ботинках Вовика спасают папе жизнь. И ещё, конечно, молоток, который он побоялся оставить в квартире с фанерной дверью, чтоб его не постигла участь ванны и электроплиты.

Цок-цок... Папа оборачивается. За ним идут. Он нащупывает фонарик и щёлкает тумблером. Брызжет свет. Преследователь на мгновение слепнет, и папа успевает заметить холодный проблеск в его правой руке.

Они знали родителей Вовика, знали и его самого, тихого и вежливого, в аккуратной курточке и в очках. Полгода назад отец Вовика умер, а сам он сделался бледным и дёрганым. Однажды в очереди в сберкассау папа услышал, что у него нашли шприцы. Но мало ли слухов распускали о соседских детях старухи? Теперь это казалось правдой. Иного объяснения тому, что славный очкастый парень идёт сейчас на него с ножом, папа не видит.

– Вова! – папа надеется, что, узнав его, парень отступит.

Нет. Это Вова и не Вова одновременно. Пустая оболочка с безумными глазами и одним-единственным желанием, которому подчинено всё его существо.

Папа выхватывает молоток и поднимает над головой:

– Вова, – говорит он как можно спокойнее, – я сильнее. Я убью тебя. Вова, что будет с твоей мамой?

Папа попадает в точку. Наркоман останавливается, с тоской смотрит вокруг и пропадает в темноте.

– Через годик сам сдохнешь, – папа сплёвывает под ноги. Его трясёт.

Папа ошибается. Вовик умрёт всего через два месяца.

...Крутится диско-шар. По стенам ползут разноцветные пятна. На столиках покачиваются острые огоньки свечей.

Кира ловит официантку:

– Здравствуйте, у нас тут встреча одноклассников...

– Сейчас провожу. Ваших сложно с кем-то перепутать – шумные.

За длинным столом мужчины и женщины. Кира окидывает их быстрым взглядом и пугается. Все они слишком взрослые, и она никого не узнаёт. Может быть, её по ошибке привели на встречу чужих одноклассников? Но полная блондинка в платье цвета электрик уже лезет обниматься, и кто-то сдвигает вещи в угол, освобождая место для Киры.

Она боится, что ей сходу начнут задавать вопросы, но одноклассники уже успели разбиться на компании. Одни спорят, другие хохочут, третьи молча накачиваются спиртным. Кира заказывает сразу два бокала вина и откидывается на спинку диванчика. В конце концов, у всего есть плюсы: если станет невмоготу, можно незаметно исчезнуть.

Понемногу в окружающих лицах обнаруживаются знакомые черты, как в компьютерной игре из детства, где модельке рисовали ресницы, брови и меняли причёски. Представишь пару рыжих косиц на месте платинового каре – и вот она, Людка Ракитина

собственной персоной. Мысленно уберёшь пивной живот, обрюзгшие щёки и нелепые усы – получается Женя Закрайный, остряк и сердцеед. Впрочем, Женька изменился только внешне: шутит, не переставая, и нащёптывает что-то Сашке Белинской в аккуратное розовое ухо. Белинская краснеет и слабо отмахивается правой рукой, на безымянном пальце которой блестит кольцо.

Говорят, что футболист Шершнев спился, а скромняга Гольдин уехал в Штаты. Ефремов прийти не смог – у него недавно умерла мама, зато у Кирилловой родился сын, кажется, третий по счёту. Кира слышит знакомые фамилии и кивает – сочувственно или удивлённо, в зависимости от обстоятельств.

Болтливая блондинка не отстаёт. Кира, наконец, вспомнила её имя. Анжелика. Маркиза, блин, ангелов. Фамилия стёрлась из памяти. Почему, спрашивается, звезда школьных дискотек выбрала её, тихоню и неудачницу? Она может пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз за все школьные годы разговаривала с этой девицей.

Анжелка придвигается к Кире так близко, что можно разглядеть каждую пору на помятом лице. Щёки преждевременно оползли вниз. Густые наращенные ресницы напоминают жирных гусениц, и Киру поташнивает.

Возможно, думает Кира, что-то произошло до её прихода. Какая-то стычка или ссора. Ещё в школе повелось: где Анжела – там драка. Но тогда она была центром внимания, а сейчас её игнорируют. Взгляды равнодушно скользят по оплывшей фигуре, затянутой в синее платье. Кире задают вопросы, на которые приходится отвечать, а к Анжелке за вечер так ни разу никто и не обратился.

На соседний столик приносят кальян, и у Киры начинает кружиться голова. После вина во рту остаётся привкус стирального порошка. Анжелка лезет с разговорами о детях. Наконец, Кире удаётся выскользнуть в туалет. Она запирается в кабинке и садится на крышку унитаза. Надо валить. Срочно.

Скрипит дверь. Кто-то заходит, кажется, Белинская и Ракитина.

Удивительно, но голоса она помнит лучше лиц. Наверное, потому что все они каждый день звонили по поводу домашнего задания. «Здравствуйте, а позовите, пожалуйста, Киру... Кирка, привет! А что задала математичка? А по русскому что на завтра? А ты не продиктуешь упражнение, я оставила учебник в парте».

Саша и Люда всегда обсуждали какую-то дичь – то гробы на колёсиках, то письма счастья, то летающие тарелки – и мало изменились с тех пор. Кира успевает расслышать: «Думала в золоте ходить будет, а он её сначала забил насмерть, а потом порубил, как котлету. И ещё делал вид, что ищет её, бедную, со всеми. Плакал на камеру, сука», – и выходит из кабинки. Увидев её, они отворачиваются к зеркалу, поджав одинаково пухлые губы.

За столом становится только хуже. Опьяневшие и докучливые одноклассники передают по кругу телефоны с фотографиями детей и животных. Закрайный показывает ролики из интернета, которые ему кажутся смешными: пьяные падают в воду, кошки и собаки дерутся между собой, ребёнок пытается повторить за отцом матерное слово. Пришло время для плана «Б» – побега из эпицентра катастрофы. Кира незаметно подтягивает к себе сумочку, возле барной стойки находит официантку и суёт ей несколько купюр – остаётся надеяться на честность.

Отдавая Кире шубку, гардеробщица опять странно смотрит. Узнала? Хотя о происшествии с отцом на стройке ей вряд ли известно. Может быть, она на каждого так смотрит, мысленно проклиная за то, что он ходит по ресторанам вместо погибшего от передоза Вовика?

Кира уже застёгивается, когда кто-то касается её плеча.

– Уходишь?

Разумеется, Анжела.

– Да, извини, голова страшно болит.

– Подожди немного. Пожалуйста, – блондинка умоляюще смотрит на Киру.

– Не могу. Мне нужно идти. Мне плохо, – она идёт к выходу.

– Стой! – взгляд Анжелки делается безумным. – Не уходи!

– Отстань, пожалуйста, – Кира толкает дверь и попадает в какую-то хтонь.

...Свет фар режет глаза, и Кира щурится. В белом ксеноновом круге, как в театре теней, скачут фигуры. Слышатся ругань и скрип снега. Она достаёт телефон и уже замёрзшими пальцами тычет в иконку вызова такси. Уехать бы отсюда побыстрее.

Движения в круге становятся гротескными. Кого-то хватают за руки, кто-то падает, снежная пыль курится в воздухе. Одна из фигур вдруг отделяется и, нелепо подпрыгивая, бежит к крыльцу, где стоит Кира.

– Вызовите полицию!

Другая фигура устремляется вслед. Мужчина бежит, на ходу доставая что-то из борсетки под мышкой. «Телефон, – проносится в мозгу Киры. – Он позвонит в полицию». Телефон оказывается неожиданно большим, и держит он его странно – слишком высоко и как-то боком.

Что ей может грозить на рынке, когда мама вскрывает ножом тюки в палатке?

Белое слепящее пятно.

... Белое слепящее пятно. Лай собаки вдалеке. Река шумит под окнами. В доме темно. Нет ни папы, ни мамы. Рыжий солдатик стучит у ворот и никак не может достучаться. Кира знает: он привёз билеты.

– Кира! Кира! – кричит солдатик у ворот.

Его впускает Анжелка. Она всё в том же синем платье, но теперь оно сидит на ней гораздо лучше. Анжелка похудела, и лицо у неё гладкое и красивое, как в шестнадцать лет.

В памяти всплывает фамилия Анжелки – Зинченко.

Из комнаты появляется Ракитина. У неё снова рыжие косы и нелепое платье в клетку. Она говорит:

– Жалко Зинченко.

Вступает Белинская. Губы у неё ещё узкие, а волосы пышные и кудрявые.

– Думала, в золоте ходить будет, а он её сначала забил

насмерть, а потом порубил, как котлету. И ещё делал вид, что ищет её, бедную, со всеми. Плакал на камеру, сука...

– Вот билет, – Анжелка протягивает ей листочек. – Через Кишинёв. Там опасно, но иначе никак. Надо ехать. Прямо сейчас. Кира, слышишь? Прямо сейчас!

... Пятно превращается в лампу. Лампа круглая и похожа на стрекозиный фасеточный глаз.

Стрекозы кружат над прудом. Краски дня смягчаются, желтеют, как старый лак на картине, с огородов тянет дымом. Дедушка сидит рядом, вытянув больную ногу.

– Пора возвращаться, – говорит он. – Мама ужин приготовила. Пора возвращаться.

Кира открывает глаза.

Об авторе: АННА БАБИНА

Родилась в 1990 году в Ленинграде. Окончила юридический факультет СПбГУ, работает юристом. Пишет стихи и прозу. Печаталась в альманахах «Птеродактиль» и «Земляки», готовятся публикации в литературных журналах «Север» и «Юность». Лауреат конкурсов «Хрустальный родник», «Северная звезда», «Всемирный Пушкин». Дебютная повесть «Жена Дракона. Не фэнтези» вышла в финал премии «Русские рифмы/Русское слово». Лонг-листёр премии «Лицей-2020».. Neкаýalar